

Иванов В.А., Круглов Е.А.

К вопросу о пребывании древних ариев на Южном Урале

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1411>]

[Публикация работы:]

Иванов В.А., Круглов Е.А. 2003: К вопросу о пребывании древних ариев на Южном Урале // Рукопожатие через Гималаи (сб. ст.). Уфа, 43-56.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

**Иванов
Владимир
Александрович**

**Доктор
исторических
наук, профессор,
заведующий
кафедрой
истории
Отечества
Башкирского
государственного
педагогического
университета**

**Круглов-
Мавридис
Евгений
Анастасович**

**Доцент кафедры
археологии и
древней истории
Башкирского
государственного
университета,
кандидат
исторических
наук,
заместитель
декана по науке
исторического
факультета**

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ДРЕВНИХ АРИЕВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Второе тысячелетие до новой эры, традиционно трактуемое как эпоха бронзового века, для регионов Южного Урала и Приуралья проходило под знаком сосуществования и взаимодействия двух этнокультурных миров - ещё не расчленённого финноугорского и индоевропейского.

Сейчас уже не вызывает сомнения тот факт, что нижняя хронологическая граница пребывания древних угров на Урале приходится как минимум на середину II тыс. до

н.э. (XV-XIV вв.), когда в горнолесном Зауралье обитали носители черкаскульской культуры на ее раннем этапе(1). Географически это территория между нижним течением Ишима и восточными склонами Уральских гор, площадью примерно 750 x 650 км, на которой М.Ф. Обыденновым и А.Ф. Шориным учтено около 40 черкаскульских поселений и стоянок. В среднем это одно поселение более чем на 12 тыс. кв. км. Казалось бы, такая территория более чем достаточна для дальнейшего интенсивного развития указанного населения. Однако уже на позднечеркаскульском этапе (XIII-XII вв.) отмечается ши-рокое расселение «черкаскульцев» в западном, южном и юго-восточном направлениях с выходом их в Прикамье и Северный Казахстан. Причины этого процесса можно объ-яснить, с одной стороны, переходом носителей черкаскуль-ской культуры к скотоводству, а с другой ? давлением на них лесных восточных и северных соседей.(2)

Формирование угорской этнической общности к вос-току от Уральских гор по времени совпало с миграцией в Приуральскую степь и лесостепь носителей индоевропейско-го этнокультурного массива. В своём археологическом выра-жении мир древних индоевропейцев в регионе представлен памятниками абашевской, алакульской и срубной культур. По мнению В.С. Горбунова, первые две представляли собой два варианта единой абашевской культурно-исторической общности (КИО) - приуральский баланбашский и заураль-ский синташтинский.(3)

Время их существования на Южном Урале и в Приуралье сейчас определяется первой четвертью II тыс. до н.э. или в абсолютных цифрах ? XVIII-XVII вв. до н.э.(4) И хотя индоевропейская этнокультурная доминанта со-храняется в Южном Приуралье и позже, включая и I тыс. до н.э., мы остановимся именно на указанном периоде, посколь-ку он хронологически «стыкуется» со временем появления в Северной Индии индоариев, примерно XIV-XIII вв. до н.э.5 В этой связи ещё раз возникает повод обратиться к проблеме этнокультурной и историко-географической связи племен бронзового века на Южном Урале с индоариями.

Последние оставили потомкам, помимо материальной культуры, огромный мир духовного наследия, отчасти отраженный в Авесте и эпических Ведах. Арии Ирана и северной Индии не просто принесли на новые рубежи своей Ойкумены однотипно-четырёхчастную структуру религиозно-эпических произведений (Вед, как известно, четыре, как и частей Аве-сты), но и сами воспоминания о покинутой некогда из-за холодов прародине тоже несут следы несомненной былой общ-ности обитания. Но где? Между тем, в древнейшей из Вед – Ригведе (III, 5) – есть четкое, недвусмысленное и далеко неслучайное упоми-нание горы Меру в центре мира, над которой неподвижные «семеро Риши», где правит Агни и где «на полгода встает златокудрое солнце» (пер. В.А. Смирнова). Несомненно, речь идет о приполярной зоне Урала. Именно здесь можно наблюдать полугодовые по протяженности день и ночь, а также неподвижную Большую Медведицу, с которой ассо-циировали «семеро Риши». Подобная локализация, на наш взгляд, абсолютно не противоречит Рифеям Пиндара, самого раннего из авторов эллинской традиции этой темы, так как упоминаемый у беотийского поэта (Пиф., X, 30) Белый или Молочный океан гипербореев вполне может быть отождест-влен с нынешним Ледовитым.

Обратимся теперь ко второму блоку свидетельств, которые предоставляет уже Авеста (применять к миру древ-них ариев понятия «первый блок» материалов или «второй круг свидетельств» можно только с большой долей условно-сти, так как приоритет большей древности между собой Вед или Авесты – все равно, что «квадратура круга»...). Запи-санная на иранской территории уже достаточно в поздний период, Авеста несет в себе, тем не менее, древние пласты общеарийского прошлого, когда на уровне психогенной па-мяти этноса (юнговское «коллективное

бессознательное?) веками хранятся мифо-поэтические образы оставленных некогда родных очагов и пастбищ.

В этом отношении бесценную информацию доносит до нас третья часть Авесты – Видевдат (пер. И.М. Стеблин-Каменского), сохранившая наиболее содержательный блок мифологизированных временем исторических реалий и преданий глубокого прошлого.

В общем виде эту картину вполне можно охарактеризовать как «арийский Исход с севера», где последний был в те времена не нынешней обителью холода и снега, а богатным отчим краем, богатым запасами металлических руд и сочными пастбищами – Арьяна Вайджья. Явившись однажды во сне вождю (и культурному герою) ариев Йиме, верховное божество Ахура-Мазда предупредил о надвигающихся неодолимых холодах и снегах, которые надолго перекроют пастбища и могут сделать жизнь скотоводов в этих краях невозможной. А потому Йиме был дан совет собирать людей и, не мешкая, идти в том направлении, куда укажет золотая стрела, которую вместе с золотым же стрекалом предводитель племен найдет по утрам возле своей вары – округлого в плане каменного или глиняного жилища древних ариев (Vd. II, 8-19). Пытаясь спастись от беды, Йима строит большую вару, «длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам» (II, 20-26), для всех людей и скота племени. Но вскоре выпавший снег укрыл пастбища нетающим слоем высотой в спицу колесницы (где-то около 30 см), так что стала понятной неизбежность предсказанного Ахурамаздой ухода вослед летевшей на юг золотой стреле.

Так, судя по авестийскому тексту, коллективная память скотоводов Евразии сохранила и в эпическом виде донесла до потомков драматическое полотно Исхода, датируемого современными ориенталистами первой половиной II тыс. до н. э. (в районе XVIII-XVI вв. арии достигают уже северной Индии, назвав ее Арианой; соответственно, примерно в этот же период времени их фиксируют на севере Ирана (7)). Жившие бок о бок с ариями, контактировавшие с ними, но оставшиеся жители лесостепи, похоже, пережили похолодание, оставив в своей памяти и языке (!) следы былого сосуществования. Отметим в этой связи, помимо упомянутого Бонгард-Левиным и Грантовским, целый блок терминов в языках финно-угорского мира, имеющих, по мнению иранистов, несомненно авестийское происхождение. Прежде всего, это упоминавшаяся выше вара – сооружение округлое или овально-эллипсоидное. Сооружения подобного типа известны в Евразии с глубокой древности, уходя своими корнями в поздний неолит и ранний энеолит. Ссылаясь на исследования тюбингенского профессора М. Корфмана, ведущий отечественный востоковед Н.Я. Мерперт(8) выводит целый типологический ряд кругло-плановых поселков и храмов, видя их истоки в анатолийском Хаджиларе VI-V тыс. до н. э. Цепочка последующих аналогичных сооружений хронологически и территориально начинается как бы своеобразное «круговое движение» против часовой стрелки с юго-западной Анатолии на юго-восток: это – Мерсина (V-IV тысячелетия), затем – Бейджи-султан (там же, эпоха ранней бронзы IV тысячелетия), наконец – Троя I-II, Ферми и Полиохни из Эгеиды (рубеж IV-III тысячелетий).

Так это или иначе, но если один поток шел на запад, в Эгеиду, то вектор второго импульса был ориентирован сначала на юго-восток, а затем на северо-восток, через Среднюю Азию и Арал в сторону Урала. Археологически это фиксируется в таких круглоплановых городищах, как Гавра-Тепе (Аккад, III тыс. до н. э.), Дашлы III в северном Афганистане (XVII в. до н. э. по датировке В.И. Сарияниди), а также современные афганскому городищу Аланды, Синташта и Аркаим на Южном Урале – овальные в плане городища с диаметром 160-200 м и длиной периметра в 520-840 м. Еще в середине XX в. таких городищ-вар с площадью 2,0-3,5 га К.В. Сальников в

Зауралье насчитывал не менее пяти, а Т.М. Потемкина в конце XX в. только на реках Тоболе и Ишиме фиксирует подобных поселений семь-восемь (Камышное II, Боголюбково I, Петровка II; Черноозерье I на Иртыше и т.д.)¹⁰. Как бы ни различались между собой эти вары с точки зрения деталей археологии (андроновские и петровские памятники – надземные, а ала-кульские вары – полуземлянки, каковых, кстати, большинство на Южном Урале в последней четверти II тыс. до н. э. – времени резкого похолодания¹¹), нам важна сама принципиальная модель их округлой конструкции – вара. В последующие века аналогичные конструкции фиксируются в Бактрии (Кутлуг-Тепе, V в. до н. э.), Согдиане (Хазарек-Депе на Амударье, II-IV вв. н. э.) и прочих южных территориях ахеменидо-селевкидского мира, куда арии переселяются из Уральского региона.

На просторах Арианы, или Северного Ирана, с рубежа II-I тыс. до н. э. термин *var* надежно фиксируется в языках вплоть до нового времени:

древнеиранский *var* – «заслон, убежище, кровля»,
среднеиранский (пехлеви) *var* – «округ, территория»,
новоиранский (курд.) *var/ver* – «жилище, лагерь, стоянка».

Замечательно в этом то, что на оставленной прародине, Урале, аналог сохранился в близком хантам угорско-венгерском языке: *var, varos* – «укрепление, город»¹². У тех же хантов до недавнего времени прямоугольные полуземлянки, напоминающие алакульско-черкаскульские аналоги угров II-I тыс. до н. э. (Лужки, Замараево, Липовая Курья), назывались *мыг-хот/мыг-хат* – «земляной дом», где *хот-хат* восходит, по В.И. Абаеву, к авестскому *kata/xata* – «погреб, склеп»¹³).

Впрочем, обозначающие жилища термины дают нам параллель и другого рода, на что наводят исследователей уникальные материалы раскопок сыктывкарского археолога Л.И. Ашихминой в приполярных районах Коми. Здесь, на реках Печоре и Вычегде, при раскопках поселений Воркерос II и Чудгодорьяг, Атаманнюр I, Адзъва II и Ягъель, Вомыньяг¹⁴ и т.д. были выявлены жилища-полуземлянки (до 0,5 м глубиной) достаточно необычной шестиугольной конфигурации. Автор раскопок предполагает, что их творцами могли быть известные металлурги северной Евразии – сейминцы, находя их аналоги в памятниках ботайской культуры IV-III тыс. до н. э. в Северном Казахстане и у саргаринцев поздней бронзы на Южном Урале. Как бы то ни было (сеймино-турбинцы шли из Сибири на запад, оставляя в своих поселениях на Печоре, Оке и Каме керамику фатьяновских протобалтов и абашевских индоариев¹⁵), тогда как необычные землянки от Вычегды до ботайцев Северного Казахстана имеют не широтный, а скорее меридиональный вектор движения...), нам представляется интересной сама типология выявленных при раскопках шестиугольных поселений. Их конструкция, повторяющая созвездие Большой Медведицы, совершенно не случайна. Ведь у древних скотоводов это созвездие напрямую ассоциировалось с повозкой-колесницей, с помощью каковой на земли угров Урала и происходила миграция индоевропейцев (ариев)¹⁶. События эти, происходившие в дописьменный период истории края, могли сохраниться – и сохранились – в коллективной памяти этноса (ов) на уровне эпических сказаний, когда «по законам жанра» у архаического сознания реальный исторический факт через два-три века, по наблюдениям М. Элиаде, превращается в миф, эпос^{16а}. Это и находит здесь, на Урале, своё отражение в Коми-эпосе о герое – богатыре Пере, сражающемся с воинами южного (!) царя на колесницах¹⁷).

Нас же в этой связи больше интересует анализ цепочки «колесница – Большая Медведица – шестиугольное жилье». Дело в том, что Л.И. Ашихмина наряду с вышеуказанной цепочкой пришлых индоевропейцев-скотоводов в своих

исследованиях предлагает и другую «ось», характерную уже для коренного населения Урала. А это население рыболовов и охотников испокон веков отождествляло созвездие Большой Медведицы с небесным лосем. Еще и в XIX в. исследователь Гондатти фиксировал у обских угров сказание о шестиногом лосе, в честь которого делалось святилище в шесть углов(18). Параллель культу этого много-ногого мифологического зверя угров Севера дает древне-индийская традиция вед(19), где фиксируется обитатель ле-сов снежных гор, -не то олень, не то лось, именуемый в текстах Шарабха. Специально занимавшийся этим вопро-сом венгр Б. Мункачи, памятуя о прародине своего народа (до прихода мадьяр в Паннонию) где-то на Урале, приво-дил в этой связи ещё более века назад названия лося у за-уральских угров, хантов и манси: шор(е)п, шорп, шарп, сарп, дающие несомненные основания для параллелей с ведийским шарапха.

Видимо, совсем неслучайны эти «созвучия», как не-случайны уже упоминавшиеся ранее в ведийских текстах не-подвижная Полярная звезда и полугодовая ночь, что характер-но не для Памира и Тянь-Шаня (версия И.В. Куклиной), а для заполярного круга. Кстати, в ходе раскопок Л.И. Ашихминой ряд шестиугольных землянок – «след шестиногого шорепа -шарапхи» -был найден в поселении Адзьява II при впадении одноименной реки в Усу, правый приток Печоры²⁰, а это посе-ление расположено уже за Полярным кругом.

Наследие ариев дает нашей теме локализации Рифе-ев ещё ряд примеров, заинтересовавших, прежде всего, авестологов. Как уже говорилось ранее, авестийский Йима, предупрежденный во сне Ахурамаздой о неотвратимости грядущих снегопадов и холодов (Vd. II, 20 pass), уводит ариев из привычных вар на юг, собирая стада с помощью дудки-рога и затем погоняя скот золотым стрекалом, во-след летящей стреле. Ввиду глубокой древности Авесты многие упоминаемые в ней термины столь архаичны, что не дают переводчикам возможности строго однозначно их идентифицировать, оставляя простор для вариативности интерпретаций. Первый (аштра, шатра, сатр) – стрекало для понукания скота Йимой, заимствовано, по мнению аве-столога, в угорские языки манси, венгров, удмуртов и коми (сатс – «уколоть, вонзить»²¹). Второй же термин, сувра или ср(у)ва, в контекстах перевода может означать «плуг» и «стрелу», «кинжал» и «рог» - пастушескую дудку для сбо-ра стада. Сам И.М. Стеблин-Каменский предпочитает именно последний (дудка - рог) вариант значения терми-на²², каковой фиксирует – в виде заимствований – в целом ряде финно-угорских языков от саамов Карелии до Урало-Камского региона: мари, мордвы, коми (у последних сюр, сюръяс – «оленьи рога»).

Обращает, естественно, на себя внимание исследова-телей и само имя «царя Золотого века» ариев до их исхода на юг – Йима [вариант в Ригведе – Йама (RV. X, 10; X, 14, 5)]. Былой царь – праведник и культурный герой – оказыва-ется, за поддержку Лжи против Истины (Jasn. 32, 8; Jast. 19, 31 sq), царем – грешником и судьей мертвых, напоминая функционально критского царя Миноса или греческого бога подземного мира Аида.

Между тем, арийский Йима (Йама) даёт ещё одну ин-тереснейшую деталь в контексте нашей темы. Дело в том, что кардинально отредактированная пророком Заратустрой древ-няя Авеста немного сохранила сюжетов о старых культах, некоторые из которых даже были низведены в ранг демонов – дэвов. Однако, это -общее правило, которому подчас сопут-ствуют исключения. Видимо, к таковым можно отнести и сюжет, объясняющий «моральное падение» Йимы и его по-следующее низвержение в царство мертвых. Речь идет о жертвоприношениях, которые приносил некогда, во «время Оно», Йима на священной горе Хукарья богине Ардвиге-Суре или Анахите «ради обретения власти над богами и людьми» (Абан-Яшт, V, 25). Именно это

обстоятельство, как полагают²³, послужило основанием всех последующих перипетий и самого «Царя Золотого века», и его народа. Во всяком случае, его индийский вариант Йама нигде в текстах ведического круга не назван богом, но только «царем мертвых», которого всюду сопровождали два жутких inferнальных пса с четырьмя глазами каждый (RV. X, 14, 10) – отдаленная аналогия греческого Кербера из Аида...

В самом деле, внимательное чтение соответствующих частей Авесты показывает, что Ардвиги-Суру почитали и как мощную реку, текущую с золотой вершины Хукарья (Yast. V, 13, 4), и как женщину в шубе из трехсот бобриных шкур (Yast. V, 129), так как на берегах реки – сильные морозы (V, 120). Именно бобровая одежда богини послужила Р. Гиршма-ну⁽²⁴⁾ основанием для отождествления Рангхи, на берегах которой некогда проживали арии, с рекой Волгой: на берегах Сырдарьи, Амударьи, Кабула и других рек Афганистана, куда позднее ушли с севера арии, бобры – согласно данным палео-зоологии – никогда не водились⁽²⁵⁾. Водились же они с древнейших времен именно по берегам Волги и Камы, зимой действительно сильноморозным.

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать наличие целого ряда компонентов как материальной (археологические артефакты), так и духовной (данные исторической лингвистики и фольклористики) культуры, вполне определенно свидетельствующих о сохранении в исторической памяти и авестийских ариев, и приуральских финно-угров факта их этнокультурного взаимодействия. Реальной географической территорией, где эти контакты могли иметь место, является Урал – единственное во всей Евразии место, где археологические материалы указывают на непосредственное соседство индоевропейского и финно-угорского этнокультурных массивов.

-
- 1 Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995. С. 117.
 - 2 Там же. С. 108-110.
 - 3 Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992. С. 197.
 - 4 Горбунов В.С. Указ. соч. С. 138; Древняя история Южного Зауралья. Т.1. Челябинск, 2000. С. 404.
 - 5 Васильев Л.С. История Востока. Т.1. М., 1998. С. 154.
 - 6 Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 43 сл, 67 сл.
 - 7 Дандамаев М.А. Цивилизации древнего Ирана // Древние цивилизации. М., 1989. С. 140.
 - 8 Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших круглоплановых укреплениях Евразии // Россия и Восток. Ч. I-V. Челябинск, 1995.
 - 9 Анализ промежуточных итогов десятилетних раскопок Синташты, Аркаима и им подобных городищ-вар Южного Урала. См.: Генинг В.Ф., Генинг В.В., Зданович Г.Б. Синташта. Челябинск, 1992; Россия и Восток. Ч. I-V. Челябинск, 1995; Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. Восток. Ч. V. Кн. 1. Челябинск, 1995. С. 117.
 - 10 Сальников К.В. Андроновские поселения Зауралья // Советская археология. 1954. № 20. С. 245; Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. С. 138 сл.
 - 11 Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977; Членова Н.Л. Проблема прародин иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток. Ч. V. Кн. 1. С. 181, 184.
 - 12 Впервые на это обратил внимание еще в начале XX в. выдающийся венгерский

- лингвист-авестолог Ч. Бартоломе: Ch.Bartolomae. Altiranisches Worterbuch. Strassburg, 1904. S. 1428-1430; Членова Н.Л. Проблема прародины... С. 183.
- 13 Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 15-16, 55; Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976. С. 58-59; Абаев В.И. Осетинский язык. М., 1956. Впрочем, далеко не все этимологические ряды и иранские параллели этого автора вызывают в современной научной среде лингвистов единодушное одобрение.
- 14 Ашихмина Л.И. К проблеме древних контактов индоевропейцев и финно-угров в Северном Приуралье (II тысячелетие до н. э.) // Россия и Восток... С. 14-16.
- 15 Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. С. 270 сл.
- 16 На эту деталь колесницы южного царя хотелось бы обратить внимание специально, так как у шедших широтно, с востока на запад, сейминцев вплоть до встречи с шедшими с запада на восток синташтинцами колесниц не выявлено (см.: Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Указ. соч. С. 272), тогда как в меридианальном маршруте «север-юг» этот фактор имеет археологическое подтверждение: в Синташте в курганах С1 и С11 найдены деревянные колесницы размером 320 x 180 x 100 см южного, возможно, анатолийского происхождения: Генинг В.Ф., Генинг В.В., Зданович Г.Б. Указ. соч. С. 338 сл, 380, 385.
- 16а См. его переводы Авесты последнего двадцатилетия: Литература Древнего Востока (Ч. I – Иран). М.: МГУ, 1984; Авеста. Избранные гимны. Душанбе, 1990; Авеста. М., 1993; Авеста в русских переводах (раздел «Яшт») / Ред. И.В. Рак. СПб., 1998.
- 17 Уже Л.И. Ашихмина (Указ. соч., С. 19) обратила внимание на эту, явно неслучайную, черту именных сходств богов и культурных героев. См. также: Иванов В.В., Топоров В.Н. Перкунас // Мифы народов мира. II. С. 303 сл; Они же. Перун // Там же. С. 306 сл.
- 18 Подробнее об этом феномене реликтовой памяти прародины ариев в индийских ведах см.: Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 104-107.
- 19 Впервые эту параллель лося-шарапхи из Атхарваведы и гимна Индре в Ригведе, с одной стороны, и лосем-тотемом у обских угров (ханты-манси), с другой стороны, проанализировал венгр Б. Мункачи еще в начале XX в. (Munkacsi B. Das alterindisch Fabeltier Carab-has // Keleti szemle. 1908. T/ 9), что более полувека спустя было подтверждено исследованиями санскритолога Т. Барроу: Burrow T. The Proto-Indoaryans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1973. № 2.
- 20 Ашихмина Л.И. Указ. соч. С. 18.
- 21 Стеблин-Каменский И.М. Арийско-уральские связи мифа о Йиме // Россия и Восток... С. 166.
- 22 Стеблин-Каменский И.М. Миф о Йиме... С. 167. См. также: Лелеков Л.А. Йима // Мифы народов мира I. М., 1998. С. 599.
- 23 Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // Советская археология. 1984. № 1. С. 93 сл.
- 24 Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-Ariens et des Iranies. Leiden, 1977. P. 75-77; Гиршман Р. Иран и миграции индо-ариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 143.
- 25 Лавров Л.С. Бобры Палеоарктики. Воронеж, 1981. С. 252 сл.; Членова Н.Л. Волга и Южный Урал... С. 234.